

ПОЧЕМУ ДОКУМЕНТОЛОГИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ НЕ СОСТОЯЛАСЬ?

Ю.Н.Столяров

Факт публикации статьи М.С.Слободяника "Размышления о несостоявшейся "дискуссии" (Бібліотекознавство. Документознавство. Інформологія. – 2007. – №4. – С. 34-37) импонирует мне сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, я чрезвычайно признателен М.С.Слободянику, что он написал свой отклик на языке межнационального общения, чем проявил уважение ко всем русскоязычным читателям журнала, в том числе ко мне, освободив от сложностей с переводом. Долг вежливости обязывает меня ответить на украинском языке, но я им, к сожалению, в требуемой мере не владею, так что в этом отношении остаюсь должником Михаила Семёновича.

Во-вторых, я благодарен за популяризацию среди украинских коллег моего отношения к так называемой документологической (документоведческой) дискуссии, проведённой журналом "Библиография" в 2006-2007 гг. Конечно, мне хотелось, чтобы моя статья увидела свет по горячим следам, ибо первая статья по обсуждаемой теме была опубликована в 2006 г. и свой отклик я написал тогда же. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

В-третьих, М.С.Слободяник очень точно поставил слово дискуссия в кавычки. Потому что дискуссия действительно по сути дела даже не начиналась, и затухла она бесславно и незаметно. О причинах этого я, как и М.С.Слободяник, размышлял и тоже хочу поделиться с читателями журнала мыслями на этот счёт.

В-четвёртых, согласен с М.С.Слободяником, что главная причина несостоятельности дискуссии лежит в морально-этической плоскости, но только эта плоскость видится мне несколько в ином свете, чем Михаилу Семёновичу. Вот об этом и пойдёт далее речь.

Чтобы было понятно, откуда возник морально-этический аспект, придётся немного углубиться в историю вопроса. Ещё в 1970-е гг. библиотековеды, и среди них прежде всего фондоведы, стали острее понимать, что обу-

чать студентов библиотечных факультетов работе только с книжными фондами всё больше становится анахронизмом, поскольку библиотечные фонды состоят не только из книг, но и из других видов произведений печати – журналов, газет, листовых материалов, а также рукописей. Определилась к тому времени и тенденция оснащать фонды микрофильмами и микрофишами, перфокартами различных видов, диапозитивами, слайдами, диа- и кинофильмами, грампластинками, магнитофонными лентами и так далее. Понадобилось для всех этих видов фиксированных источников информации найти собирательный термин. Началась бурная дискуссия в печати, причём оппонентами выступали наши же коллеги – библиотековеды и библиографоведы. В глазах книговедов инициаторы введения нового понятия вообще выглядели как монстры, покусившиеся на святое святых – её величество Книгу, о которой сказано столько красивых слов, сложены стихи и песни, изданы сборники афоризмов, и прочая, и прочая. А технократы, мол, не понимают великой гуманистической миссии Книги, умаляют её значение. Одним словом, говорилось и продолжает говорить всё то, что обычно говорят в случаях, когда либо не хотят вникнуть в суть предложений, либо ищут любой предлог, чтобы оставаться в привычной среде и продолжать жить спокойно.

Тем временем фондоведы – наиболее из них, не побоюсь сказать, прогрессивные, – со своей стороны, а библиографоведы, для которых эта проблема была столь же актуальной – ведь новые виды источников информации надо специфически описывать, со своей стороны, – пришли к согласию, что лучше всего нам подходит понятие документ. Это вызвало новый взрыв возмущения со стороны маститых книговедов. Тогда, в частности, появилось пущенное А.Я.Черняком и ставшее хрестоматийным, то есть применяемое по сию пору, эффектное обвинение фондоведов в том, что

они приравнивают-де "Войну и мир" к трамвайному билету.

В этот острый, полный драматизма момент из украинских специалистов правильную позицию заняла Е.Т.Селиверстова. Взяв "объективно существующую открытую О.П.Коршуновым информационно-коммуникативную систему информация – документ – библиотека – потребитель" за методологическую основу дальнейших рассуждений, она сделала вывод: "Нужна единая дисциплина, дающая знания о документопотоке в целом, его структуре – отраслевой и видовой, о производстве документов и их распространении. Эта дисциплина ("Документоведение"?) может быть создана на основе комплексирования отдельных тем из библиотковедческих и библиографоведческих предметов, книговедения, патентоведения и др."¹

Из всех библиотковедов, библиографоведов и книговедов наиболее основательно в области документоведения трудилась Г.Н.Швецова-Водка, чья брошюра "Определение документа в документационно-информационной науке" (Л., 1991. – 44 с.) многим представителям наших дисциплин открыла глаза на это ключевое понятие. Тогда же, в 1991 г., в Московском институте культуры, а затем и в других вузах Советского Союза, учебный курс "Книговедение" преобразовывается в "Документоведение". Вскоре появляется веская, глубоко аргументированная, опирающаяся на основательное знание истории вопроса статья Г.Н.Швецовой-Водки о соотношении понятий книга и документ. И публикуется она не где-нибудь, а в самом сердце книговедения – его главном теоретическом органе – сборнике "Книга. Исследования и материалы"². Галина Николаевна убедительно обосновала кардинально новую идею – что понятие документ – относительное, оно имеет собственный объём в разных областях социальных коммуникаций. Она создала методологическую базу для разведения объёма понятия документ в раз-

личных документо-коммуникационных системах. В те времена такая терминология ещё не сложилась, да и сам изложенный вывод в её трудах в таких выражениях отсутствует. Но, во всяком случае, лично я усвоил в её работах именно эти моменты, и, несмотря на ряд теоретических расхождений с нею (некоторые остаются поныне, возникли и новые), высоко ценю её работы за то, что они заложили фундамент для последующего качественно нового уровня развития общей теории документа. Вот почему я считаю её работы и фундаментальными, и пионерскими. Хотя признаю, что было в документоведении (надеюсь, будет и впредь) много и других пионеров – честь им всем и хвала!

Короче говоря, новая точка зрения укрепились. Кафедры книговедения в подавляющем большинстве вузов преобразовались в кафедры документоведения, и книговеды получили прекрасную возможность, не умаляя книговедческих разработок, поднять свою дисциплину на новую ступень обобщения и стать лидерами нового направления, – так сказать, библиотечно-библиографического документоведения. Там, где они правильно поняли свою новую историческую миссию, появились факультеты документальных коммуникаций (Челябинск. С 2007г. факультет там уже преобразован в институт с тем же названием), выпущены учебные пособия "Документоведение" (Краснодар, Санкт-Петербург) и т.д. Тем же, кто не хотел и не хочет перестраиваться (например, кафедры книговедения Московского государственного университета культуры и искусств, Харьковской государственной академии культуры) не остаётся ничего другого, как всячески порочить если не саму идею ненавистного им документоведения (ибо они понимают, что тогда их отсталость проявится со всей отчётливостью), то её носителей, и прежде всего наиболее активных и результативных. Вот почему под огонь деструктивной критики

¹Селиверстова Е.Т. Система знаний библиотечного специалиста, или чему учить библиотекаря / Е.Т.Селиверстова // Науч. и техн. б-ки СССР. – 1989. – №2. – С.19.

²Швецова-Водка Г.Н. Книга и документ: соотношение понятий / Г.Н.Швецова-Водка // Книга: Исследования и материалы. – М., 1994. – Сб.68. – С.19-37.

попадает, прежде всего, Н.Н.Кушнарченко. Ну и, если уж ставить все точки над украинским "і", также ваш слуга покорный.

Если понимать сложившуюся ситуацию изложенным образом, тогда всё встаёт на свои места и становится понятной ожесточенность полемики, с одной стороны, и бесплодность затеиваемых обскурантами дискуссий, с другой стороны. Перейдём теперь к анализу очередной несостоявшейся так называемой дискуссии на эту тему.

Восстановим ход "дискуссии" и позицию начавшей её редакции.

Начальная статья Н.А.Низового называется "Борьба за научную истину или за место под солнцем? Научные и нравственные аспекты дискуссии между книговедами и документоведами" (Библиография. – 2006. – № 5. – С. 39-51). Из заглавия ответ на риторический вопрос ясен заранее: документоведы борются за место под солнцем, а книговеды – за научную истину.

В редакционном врезе естественно было бы ожидать пояснения: какие именно научные и какие нравственные аспекты означенной дискуссии нуждаются в обсуждении. Вместо этого редакция извещает, что дискуссии между документоведами напоминают ситуацию в библиотечно-библиографическом мире сорокапятилетней давности, когда возрождение книговедения оказалось для нового поколения ученых и преподавателей "весьма неожиданным и малоприятным сюрпризом". Будущее в науке о книжном деле "пока не наступило, хотя универсум книги... дает основания и дальше развивать научный потенциал книговедения".

Не знаю, на каком основании сделан вывод о неожиданном и малоприятном сюрпризе. Ни по литературе тех лет, ни по личным ощущениям – а я в ту пору как раз и относился к молодому поколению – я, например, с таким сюрпризом не сталкивался. Непонятно и то, какое отношение имеет тот сюрприз к данной дискуссии и каким образом универсум книги даёт кому-то какие-то основания. Ну да речь о другом. Редакция начала дискуссию, как можно понять, чтобы "дальше развивать научный потенциал книговедения".

При чём тут тогда взаимоотношения между документоведами и книговедами? Какой вопрос на самом деле намерился обсуждать журнал? Попробуем уяснить это, тезисно восстановив содержание статьи, открывающей дискуссию.

Для начала Н.А.Низовой, заведующий кафедрой библиографоведения и информационно-библиографической деятельности Харьковской государственной академии культуры, сообщает, что в 1960-1970-е гг. "заявила о своих претензиях вновь рожденная социальная информатика, ныне тихо сошедшая с научной сцены".

При чем тут, однако, информатика, если автор должен бы быть озабочен книговедением? К тому же социальная информатика всё ещё на сцене. Её идеи оказались востребованными в связи с определением места книговедения, библиотековедения и библиографоведения в Номенклатуре научных специальностей – самом оживленно дискутируемом в данный момент в СНГ теоретико-методологическом вопросе. И Украина, кстати сказать, достигла здесь наиболее впечатляющих результатов, отнеся эту специальность, впервые в истории СНГ, в класс социально-коммуникационных наук. Заслуга в этом, кстати, в значительной мере принадлежит Харьковской государственной академии культуры и персонально – разработчикам: докторам наук и профессорам В.Н.Шейко (ректору), Н.Н.Кушнарченко (проректору по научной работе), В.А.Ильганаевой (зав. кафедрой библиотековедения и социальных коммуникаций), А.А.Соляник (декану факультета библиотековедения и информатики).

Следующий тезис Н.А. Низового: "В последние годы возлагаются неоправданно широкие надежды на революционные изменения в теории (вплоть до смены парадигмы), если она перейдет от понятия "книга" к понятию "документ"... от смены понятий ничего принципиально нового не произошло".

Как это "ничего принципиально нового не произошло"? Термин документ стандартизирован, широко используется в СИБИБД, узаконен на государственном уровне – достаточно сослаться хоть на российский, хоть на ук-

раинский закон "Об обязательном экземпляре документов", – но Низовой этот термин и производимые на его основе документоведение и документологию не признает.

Дальше Низовому надо увести разговор с обсуждения существа вопроса – т.е. "каким должен быть вузовский учебник [хоть по книговедению, хоть по документоведению] для будущих специалистов библиотечно-информационной отрасли", – и выдвижения собственных предложений. Поскольку таковые у него отсутствуют, автор действительно уводит дискуссию с конструктивного пути, переходя к моральному обличению своих оппонентов.

Его следующий тезис: никто бы не возражал, "если бы "Документоведение", а теперь и "Документология" внедрялись в учебный процесс путем открытого обсуждения, а не административно-волевым способом". Главный нарушитель этого условия главным образом я, автор этих строк, поскольку именно на меня он возлагает ответственность за внедрение названных учебных курсов. (Впрочем, я от этой чести не отказываюсь).

Но лично я только и делаю, что из статьи в статью, из выступления в выступление, из доклада в доклад призываю коллег открыто обсуждать этот вопрос и прилюдно высказываю по нему свои суждения. (И с удовольствием констатирую, что успехи есть).

Распределение часов на курсы "Документоведение" и "Книговедение" в Харьковской академии культуры представляется Н.А.Низовому несправедливым. Каждый, конечно, имеет право на собственное мнение, только при чём тут Харьков, зачем при обсуждении принципиального вопроса о развитии научного потенциала всего книговедения сбиваться на частности? К тому же не в количестве часов суть: большое их количество – ещё не синоним их качества. Лучше бы Н.А.Низовой обсудил содержательную часть книговедческого курса, как было заявлено исходно. Редакция, предоставившая страницы инициатору дискуссии, "не заметила" искажения её намерений. А значит и её можно упрекнуть либо в неразборчивости, либо в предвзятости, поскольку она допустила, чтобы дискуссия сползла с намеченной траектории.

Далее. Автор ставит вопрос: "Чем потчуют будущих специалистов в учебном курсе "Документоведение"? Потчуют их, оказывается, "более чем наполовину в прямой или плохо завуалированной форме" книговедением. Ну и что в этом плохого, если есть возможность довести до студентов его богатейший потенциал?

К тому же тут требуется подтвердить обвинение расчетами, но их пришлось взять на себя мне. Теперь их перепроверил Слободяник. И предлагает подискутировать на эту тему с ним. Идеолог же дискуссии незаметно отошёл в сторону: я, мол, своё дело сделал, теперь разбирайтесь другие – кто у кого украл шубу и украл ли. Главное, чтобы у читателя от оппонентов Низового остался осадок нечистоплотности.

Редакция то ли не заметила, то ли не захотела заметить, что Н.А. Низовой вместо изложения своих идей о развитии книговедения стал обсуждать (а точнее сказать – осуждать) документоведение, изо всех сил доказывая, какое оно ущербное. Но ведь разговор-то затеян вроде бы о развитии научного потенциала книговедения.

Кончается статья Н.А. Низового выводом о том, что на самом деле слова "о высоких научных материях" являются всего лишь "внешним прикрытием" существенного увеличения учебной нагрузки документоведов. Речь и здесь явно только о ХГАК, поскольку статистика других вузов не приводится.

Н.А.Низовой призывает к конкуренции открытой и честной, строящейся на толерантности и ответственности за общее дело (с.51). Этот призыв я полностью разделяю, потому и ответил автору открыто и честно, осознавая ответственность за общее дело. Допускаю, что не вполне толерантно, но можно ли изъясниться иначе в ответ на явно конфронтационные наскоки – обвинения в казуистике (с. 51), административно-волевым способом проведения мною своих идей, лжи, ведущей за собой другую ложь (с. 46) и т.п. Что-то не верится призыву Н.А.Низового к толерантности при отсутствии оной у него самого.

Подытожим: дискуссия, если верить редакции, затеяна, чтобы "дальше развивать

научный потенциал книговедения" – и где же о нем хоть ползвук в статье Н.А.Низового? Где хоть одно его предложение по существу улучшения курса документоведения?

Ответом на выпады Н.А.Низового послужила моя статья (Борьба за научную истину, а не за место под солнцем // Библиография. – 2007. – №2. – С. 48-56). С нею, повторюсь, М.С.Слободяник дал возможность познакомиться украинскому читателю. Редакция "Библиографии" предпослала моей статье свой врез. В нём сказано, что статья Н.А.Низового, "содержащая острое неприятие учебника Наталии Николаевны Кушнарченко "Документоведение" (7-е изд. К., 2006), вызвала одобрение специалистов библиотечной отрасли".

Так, значит, дискуссия, по признанию редакции, с обсуждения вопроса каким должен быть учебник, сместилась на обсуждение уже имеющегося учебника? Значит, ради этого была затеяна публикация Н.А.Низового, а вовсе не ради заботы о развитии научного потенциала книговедения? Так бы и сказали, зачем же вуалировать свои намерения.

Далее. Статья Н.А.Низового, оказывается, "вызвала одобрение специалистов библиотечной отрасли" – скольких? Приведен отзыв одного из таких специалистов (Е.И.Коган), но он относится не к научному потенциалу книговедения и не к учебнику Н.Н. Кушнарченко, а к... статье Н.А. Низового. Этот единственный откликнувшийся специалист задает вопросы, а редакция их публикует в своем врезе: "Завяжется ли та самая дискуссия, которая, если она продуктивна, должна вести к появлению новых учебников? Кстати, пишутся ли они?"

Редакции, будь она и вправду озабочена ростом потенциала хоть книговедения, хоть документоведения, тут бы и ответить Е.И.Коган: "Уважаемая Елена Ильинична! Отдаем должное вашему вкусу, нам статья Низового тоже показалась толковой, и мы с ним общий язык уже нашли. А вот завяжется ли дискуссия, зависит в частности и от Вас. Напишите свои соображения о развитии научного потенциала книговедения или документоведения

³Уважаемая редакция журнала! Прошу не редактировать выражение "на Украине". Может быть, по нынешним правилам украинской грамматики, и узаконен в этом словесном обороте другой предлог, но я пишу на русском (а не в русском) языке и соответственно по правилам русской грамматики. Прошу дать мне возможность выражаться слогом Тараса Григорьевича Шевченко. – Ю.С.

– на Ваше усмотрение, – и если они тоже окажутся толковыми, мы их опубликуем. Кстати, как Вы думаете, какая кафедра, кто конкретно должен писать учебники по книговедению? Можете ли себе представить, что кафедра книговедения ни в МГУКИ, ни в ХГАК их, увы, не пишет. Кто, по-вашему, должен писать учебники по документоведению для специалистов библиотечно-информационной отрасли? Так вот в России они тоже их не пишут. А на Украине ³, Елена Ильинична, их, как Вы могли заметить из статьи Н.А.Низового, пишут – Н.Н.Кушнарченко (в 2007 г. ещё и Г.Н.Швецова-Водка). И выпускает седьмым изданием. Если Вы ее учебника не видели, то как же Вы рискнули характеризовать рецензию Низового на этот учебник?"

Это так написала бы редакция, если бы подходила к делу непредвзято. Но она усугубила свою предвзятость, продолжив врез следующей эскападой: "Наталья Николаевна Кушнарченко – автор учебника – отвечать не стала, эту роль взял на себя Ю.Н.Столяров, поддержавший "любимую ученицу"... В его статье, однако, нет ответа на серьёзные замечания рецензента, которые касаются путей развития документоведения и книговедения как научных и учебных дисциплин".

Теперь выяснилось, что дискуссия была затеяна ради обсуждения учебника Н.Н.Кушнарченко – через 10 лет после первого его издания! М.С.Слободяник тоже соскользнул на этот путь: вместо обсуждения "путей развития документоведения и книговедения как научных и учебных дисциплин" он вызывает к барьеру Н.Н.Кушнарченко, требуя у неё объяснений своего молчания, и меня – чтобы я ответил на новые поставленные им вопросы.

В своём отклике на статью Н.А.Низового, отведав часть его наиболее вызывающих инсинуаций, я в очередной раз разъяснил, что документоведение в его современном понимании есть дисциплина делопроизводственная, а дисциплину более общую, изложенную в учебнике Н.Н.Кушнарченко, правомерно именовать документологией. Я выдвинул тезис, что в

документологии можно выделить общую и факультативную части, разъяснил свое видение общедокументологической части. Если это не ответ на "серьёзные замечания оппонента", то какой другой ответ, интересно знать, от меня ожидается?

Стремительно, то есть в следующем же номере, редакция "Библиографии" поместила статью Э.К.Беспаловой "Какая истина разыскивается" (Библиография. – 2007. – № 3. – С. 39-43), от начала до конца направленную теперь уже против меня и моих взглядов. В её статье напрочь забыт "научный потенциал книговедения", забыт и учебник Н.Н. Кушнарченко. А что же редакция?

Изучим ее новый врез и новый, в третий раз изменившийся, подход к делу. Редакция сообщает, что статья Н.А. Низового была опубликована, оказывается, для того, чтобы начать разговор о том, "каким должен быть вузовский учебник [по документоведению] для будущих специалистов библиотечно-информационной отрасли". Сначала же, как мы помним, предметом обсуждения провозглашалось развитие научного потенциала книговедения. Важнее, однако, то, что в статье инициатора дискуссии ответ на поставленный редакцией вопрос: "Каким должен быть вузовский учебник [по документоведению]", как мы уже убедились, отсутствует.

"Наталья Николаевна Кушнарченко – автор учебника – отвечать на критику не стала", – без комментариев сообщает редакция.

Как следует понимать сей факт? А почему вообще Н.Н. Кушнарченко должна была отвечать Н.А. Низовому? А теперь – М.С.Слободянику? С нею – что: была договоренность редакции, а она струсила и эту договоренность нарушила? И на какие конкретно пассажи она должна ответить, если конструктивная часть критики равна нулю? Коснись меня, я бы тоже затруднился отреагировать на "недоумение, переходящее в изумление", в которое повергли М.С.Слободяника раскрытые в учебнике понятия. Чему именно он изумился-то? Или: М.С.Слободяник требует от Н.Н.Кушнарченко документоведческого анализа книговедческих проблем – при том, что методика такого анализа, по его же признанию, "сегод-

ня, к сожалению, не разработана".

Может быть, Н.Н. Кушнарченко ответила на вопрос "каким должен быть учебник" – самим учебником и мудро посчитала излишним ввязываться в бесплодную дискуссию? Может, она рассудила так: если Н.А. Низовой, а теперь и М.С.Слободяник, видят учебник иным (а каким всё же? Ответа-то в статьях что того, что другого и близко не просматривается), – пусть пишут свой, лучший. Пусть получают министерский гриф и издадут своё произведение год за годом или чаще. В масштабе не только СНГ, как она, но всего мира. Золотое перо им в руки!

Бросив тень на Н.Н. Кушнарченко, редакция "Библиографии" (а следом за нею М.С.Слободяник) сосредоточивается на... нет, не на книговедении. И не на документоведении. На Низовом? Да нет же, и не на нём. Редакция (а теперь и М.С.Слободяник, удивительная последовательность) делает выпад в мой адрес: "Эту роль [ответчика на критику. – Ю.С.] взял на себя Ю.Н. Столяров, поддержавший "любимую ученицу"". И далее помещена статья, от начала до конца посвященная не "определению путей развития документоведения и книговедения", а исключительно дезавуированию моего ответа Н.А.Низовому.

Обратите внимание: в прошлом врезе я был аттестован как официальный рецензент. У этого учебника есть и другой официальный рецензент, но ни редакции "Библиографии", ни М.С.Слободянику не пришло в голову поинтересоваться у Н.А. Низового: почему он освободил от ответственности одного рецензента и полностью возложил ее на другого?

Вернемся к тезису о Столярове, поддержавшем любимую ученицу. При чем тут любимая ученица? Редакцию интересует перспектива библиотечно-библиографического образования или личные предпочтения одного из десятков научных руководителей? А что – иметь среди многих учениц любимую – зазорно? А поддерживать любимых учениц – позорно? За акцентом насчёт любимой ученицы кроется подтекст: Столяров не потому поддерживает Н.Н. Кушнарченко, что разделяет ее взгляды, а потому, что симпатизирует ей как личности. Тут я позицию редакции даже усилию: и потому, и потому. А редакция своим намеком

выдает свою предвзятость, – это в дискуссии о нравственных-то аспектах. Насколько нравственен её собственный намёк?

Дальше редакция окончательно переводит стрелки на несчастного меня: "В его [т. е. моей] статье, однако, нет ответа на серьезные замечания рецензента, которые касаются определения путей развития документоведения и книговедения как научных и учебных дисциплин". Теперь за то же спрашивает с меня и М.С.Слободяник. Где же это Н.А.Низовым определены пути развития документоведения и книговедения?! На что отвечать мне и почему – мне, а не зачинщику дискуссии?

В третьем номере за 2007-й год "Библиография" поместила еще одну статью (Беспалова Э.К. Какая истина разыскивается? // Библиография. – 2007. – №3. – С. 39-43). Но и в ней нет ни слова ни о путях развития документоведения и книговедения, ни о том, "каким должен быть учебник для будущих специалистов библиотечной отрасли". Нет в ней и речи об изъянах существующего учебника (благополучно выдержавшего, ещё раз напомню, семь (!) изданий). Эта статья откровенно написана вовсе не по тому вопросу, ради которого, как поначалу заявила редакция, ведется дискуссия. Желаящие могут в этом убедиться сами.

Статья Беспаловой посвящена разбору моих личностных качеств. То, что я далёк от проблем морали и нравственности, всем давно известно – из публикаций других моих недоброжелателей. Я и сам в это почти поверил. И заявил о готовности собственноручно приковать себя к позорному столбу супротив ратуши, если бы это помогло найти ответы на животрепещущие вопросы теории и преподавания⁴.

Но время идет, а праздная публика по-прежнему ломится в открытые ворота, снова и снова убеждая себя и других в дрянных качествах моей натуры – вместо того, чтобы решать назревшие вопросы то ли книговедения, то ли документоведения.

В следующем номере редакция дала возможность высказаться ещё одному автору (Плешкевич Е.А. Документология как научная

дисциплина: потребность или искушение? /— Е.А.Плешкевич // Библиография. – 2007. – № 5. – С.32-44).

Зная менталитет оппонентов и способы ведения ими дискуссии, понимаешь, что заглавный вопрос, как и в открывшей квазидискуссию статье Н.А.Низового, риторический. "Борьба за научную истину или за место под солнцем?" – конечно, за место под солнцем! "Какая истина разыскивается?" – разумеется, фальшивая. "Документология: потребность или искушение?" – естественно, искушение, – можно и статью не читать. От высказывания суждений по сути первоначальной статьи, с которой началась эта так называемая дискуссия, и новый автор уклонился.

А что же редакция? Она решила, что нашла самого авторитетного специалиста в данном вопросе: он "не только высказывает собственное мнение, но и пытается дать взвешенные оценки уже обнародованным аргументам участников развернувшейся дискуссии". Самое точное слово в этой фразе – "пытается".

Поняв бесперспективность собственной затеи, редакция взяла да и свернула обсуждение, объяснив свою позицию следующим образом: всё должно иметь не только начало, но и конец. Излишне затянувшаяся дискуссия [а между тем дана возможность высказаться всего четырём авторам!] грозит перерасти в эмоциональную, но бесплодную полемику. Поэтому дискуссия скончалась так же внезапно и бесславно, как и началась. Задумав раскрыть научные и нравственные аспекты дискуссии между книговедами и документоведами, редакция журнала "Библиография" продемонстрировала свой собственный научный и нравственный уровень.

М.С.Слободяника её пример ничему не научил. В статье "Размышления о несостоявшейся "дискуссии" он возобновил морально-этическую разборку, добровольно возложив на себя труд "воздать всем сестрам по серьгам". Коль скоро предметом его внимания стали не научные, а этические вопросы, не буду уходить от предмета обсуждения и проясню именно и только их.

⁴Столяров Ю.Н. Разъяснения даны. Вопросы остались / Ю.Н.Столяров // Науч. и техн. б-ки. – 2005. – № 4. – С. 99.

За неимением других аргументов М.С.Слободяник снова вменяет мне в вину использование мною административного ресурса. "Искусная подтасовка" отдельных фактов проявляется мною, в частности, в том, будто я "забыл", что более 20 лет руковожу диссертационным советом, что длительное время был членом экспертного совета ВАК.

Ах, Вы вот что имеете в виду, Михаил Семёнович! Ну что ж, придётся мне дать Вам ещё один повод обвинить меня в нескромности: Вы сами меня на неё вынудили.

Смею Вас заверить: всё, что Вы перечислили, я отлично помню. Кроме того, что назвали Вы, я ещё состою членом нескольких диссертационных, учёных и научных советов весьма уважаемых и авторитетных организаций. Назову некоторые: Российская государственная библиотека, Государственная научно-техническая библиотека России, Библиотечно-информационный совет Российской академии наук, Научный совет Центральной универсальной научной библиотеки им. Н.А.Некрасова. Продолжать?

Лучше я начну перечислять редакционные советы и коллегии центральных периодических изданий, в которых имею честь состоять: "Библиотековедение", "Библиотека", "Научные и технические библиотеки", "Школьная библиотека", "Книга. Исследования и материалы". Пожалуй, остановлюсь – по соображениям скромности. Но если захотите и дальше проверять мою память – я продолжу и тогда уж охотно перечислю всё остальное. Все эти свои обязанности этого рода я не просто помню, но по мере сил стараюсь исправлять.

Только ведь к административному ресурсу все они ни малейшего отношения не имеют, вот ведь какая незадача. Всё это – свидетельства моей общественно-научной активности (вслед за поэтом я могу сказать: мне и рубля не накопили строчки, краснодеревщики не слали мебель на дом и, кроме свежеевымытой сорочки, скажу по совести: мне ничего не надо), а следовательно речь должна идти о ресурсе научного авторитета. Я ведь уже объяснял это в ответе Н.А.Низовому – перечитайте, убедитесь. Библиотечная общественность меня признаёт – ценю это и стараюсь оправ-

дать её ожидания.

Как же я использую свой ресурс? Говорить-то, конечно, можно что угодно, только кто же в это поверит? Давайте проверим моё бессребренничество на тех акциях, которые объединяют на этом поприще нас с Вами, Михаил Семёнович, и попробуйте уличить меня в подтасовке.

Вы состоите членом-корреспондентом Отделения "Библиотековедение" Международной академии информатизации. Президентом этого Отделения являюсь, извините, я. Как президент я Вам когда-нибудь что-нибудь приказывал?

Я когда-нибудь препятствовал Вашим публикациям в тезисах Скворцовских конференций МГУКИ? А ведь я был членом "большого" учёного совета, совета Библиотечно-информационного института, членом редколлегии "Вестника МГУКИ".

Когда Вы защищали диссертацию в "моём" защитном совете, я Вам мешал или помогал? Задайте тот же вопрос Н.А.Низовому. Когда ваши диссертации рассматривались в ВАКе, я их там тормозил?

С момента возникновения я шесть лет подряд возглавлял общетеоретическую секцию "Библиотековедение, библиографоведение, книговедение" на крупнейшей по мировым масштабам Крымской конференции. На одном из заседаний Вы выступали с довольно острым неприятием моих библиотековедческих идей – я возразил против включения Вашего доклада в программу? Я проронил хотя бы слово против, когда Вы с трибуны озвучивали свои мысли?

Когда Вы в 1994 году формировали редколлегию журнала "Библиотековедение. Документоведение. Информология", вынуждал Вас включить меня в её состав я или моего согласия на включение в неё просили Вы? Я как-нибудь использовал этот свой ресурс против публикации хоть чьей-нибудь статьи? А когда Вы в 2006 г. получили мою статью-ответ Н.А.Низовому, просил ли я ускорить её публикацию? Я просто ждал-пождал да и опубликовал её годом раньше в "Библиографии" (2007. – №2). Как член редколлегии я как-нибудь воспрепятствовал появлению Ваших направ-

ленных против меня "Размышлений...?"

И после всего этого Вы берётесь за морально-этические оценки?! Надеюсь, что данный мой отклик постигнет более счастливая участь, и он выйдет более оперативно и без купюр. Но, конечно, не в ущерб оперативности публикации статей других авторов – особых предпочтений для себя я не требую и не жду. Как всем, так и мне. Но и не меньше.

Может быть, я только к Вам отношусь столь благосклонно – от большой симпатии? Киньте клич через журнал всем украинкам и украинцам, с кем я когда-нибудь и по какому бы то ни было поводу имел дело: пусть они напишут – кого и как я использовал, пользуясь своим ресурсом.

На что же в таком случае я свой общественно-научный ресурс трачу? На общепользные дела. Например, в 1993 г. инициировал создание отделения "Библиотекосведение" в структуре Международной академии информатизации. Сегодня в нём 74 члена из нескольких стран.

Мне удалось убедить сразу три издательства выпустить избранные труды Поля Отле, найти для этого переводчика экстра-класса (Р.С.Гиляревского). К одному сборнику трудов П.Отле я написал обширное Введение⁵, к другому – Заключение⁶. Отвечать после этого на голословные обвинения М.С.Слободяника, будто не П.Отле первым ввёл термин документология, будто я часто существенно искажаю взгляды Поля Отле, считаю ниже своего достоинства.

В чём ещё я виноват, с точки зрения М.С.Слободяника? В том, что как заведующий кафедрой сам себе планировал высокую нагрузку, что за счёт "Документологии" искусственно увеличивал нагрузку членам кафедры. Даю справку: курс "Документология" имел в МГУКИ всего 36 часов, хотя мне действительно ничего не стоило увеличить его хотя бы вдвое. Читал его только я с ассис-

сентом. Согласитесь, этот объём часов никак нельзя считать определяющим в структуре учебной нагрузки – хоть моей, хоть общекафедральной.

Чем я провинился ещё? Полностью проигнорировал позицию Л.Я.Филипповой. Это правда – проигнорировал, не заметил. Ну, извините – не знаю я такого документоведа.

Наталью Николаевну Кушнарченко – знаю. Она автор единственного в СНГ учебника "Документосведение", выдержавшего семь изданий. Можно допустить, что первое издание она выпустила, используя свой административный ресурс, но чтобы в наш рыночный век это удалось ей семь раз – да кто же этому поверит? Н.Н.Кушнарченко обосновала место наших дисциплин, включая документосведение, в структуре научных специальностей и была поддержана украинским научным сообществом. Теперь украинский опыт пристально изучают в России и Белоруссии. Как же мне не знать Н.Н.Кушнарченко? Среди украинских документоведов смело ставлю её на первое место.

Галину Николаевну Швецову-Водку – знаю: это пионер документосведения в книжно-библиотечной отрасли, автор только что вышедшего на украинском языке отличного учебного пособия "Документосведение". Не со всем я в нём согласен, но тем он и хорош – есть основание для настоящей дискуссии, а не той, которая в кавычках. М.С.Слободяник желает, чтобы я указал фундаментальные работы Галины Николаевны в советский период. Я указал – см. выше. Фундаментальность и новизна определяются не количеством страниц. Формулу теории относительности А.Эйнштейн опубликовал в небольшой статье. Менделеевская Периодическая система элементов вся умещается на одном листе. На высочайшую степень их фундаментальности малый объём никак не влияет.

Сергея Георгиевича Кулешова – знаю. У него много интересных работ со свежими мыслями, с корректным делением докумен-

⁵Столяров Ю.Н. Провидец и мыслитель планетарного масштаба. О Поле Отле и его взглядах / Ю.Н.Столяров // Отле П. Труды по библиотекосведению / Поле Отле. – М., 2002. – С. 7-26.

⁶Столяров Ю.Н. Вместо послесловия / Ю.Н.Столяров // Отле П. Библиотека, библиография, документация: Избранные труды пионера информатики / Поле Отле. – М.: ФАИР-ПРЕСС; Пашков дом, 2004. – С.309-311.

товедения на общее и специальное. Украина может позволить себе пользоваться термином "документоведение" в обобщающем смысле. Здесь, в отличие от России, признаётся понятие "специальное документоведение", а в его составе – "управленческое документоведение". Молодцы украинцы-коллеги, и тут вы нас опередили! Была бы такая же ситуация в России, я бы в ту же минуту от термина "документология" отказался.

Аллу Анатольевну Соляник – знаю, она написала блестящее учебное пособие "Документные потоки и массивы" (Харьков, 2000) с оригинальной их классификацией и рассмотрением этапов эволюции. Примечателен в пособии глобальный охват предмета. В её активе есть глубокие статьи по общей теории документа и основательная рецензия во всемирно известном журнале "Научно-техническая информация" (полностью переводится на английский язык) на учебное пособие Е.А.Плешкевича.

Ещё из украинских документоведов знаю В.Ю.Болдовского. Он предложил дихотомическую классификацию электронного документа, которую я воспринял и широко ею пользуюсь.

Других украинских документоведов широкого профиля, с новаторскими идеями – не знаю. Приношу извинения за свою серость.

Чем обогатила документоведение Л.Я.Филиппова, уж не взыщите, не знаю. В чём её претензии к учебнику Н.Н.Кушнарченко, где она их высказала?

Да я, грешным делом, и многих других не знаю. Например, Н.А.Низового – ни как книговеда, ни тем более как документоведа. Он затеял было дискуссию "о путях развития документоведения и книговедения как научных и учебных дисциплин", но ни одного пути не то что не проторил, а даже не наметил его контура.

Я и русских-то не всех знаю, что тут подедаешь – виноват. Например, Э.К.Беспалову не знаю. Как документоведа, имеется в виду. Поэтому прощаю ей выпад в мой адрес об отсутствии у меня системного знания документологии, о несамостоятельности моих ста-

тей. Откуда ей знать, например, о том, что у меня вышли книги "Документный ресурс" и "Сущность информации", – она же не документолог.

В заключение коснусь вопроса о соблюдении М.С.Слободяником тех морально-этических норм, мнимому нарушению которых мною посвящены его размышления о несостоявшейся квазидискуссии. В этих "Размышлениях" он объявляет: "Мне, как и Юрию Николаевичу, неизвестны имена ученых, объявивших Документологию завершённой наукой. Естественно, я и не писал об этом в своей статье" (с.37). То-есть, выходит дело, автор этих строк возвёл на него напраслину. Вот, мол, и пример того, что с моей стороны "используются весьма сомнительные с позиций морально-этических норм науки методы и приёмы дискуссии". Как же выглядит ситуация на самом деле? Тезисы доклада "Перспективы формирования фундаментальной науки о документе" заканчиваются фразой: "Переход от документоведения к документологии – объёмный и длительный процесс, который не может быть ускоренным и тем более объявляться завершённым по желанию отдельных даже очень авторитетных учёных [выделено мной. – Ю.С.] ⁷". Теперь М.С.Слободяник признался, что под очень авторитетными учёными он имел в виду меня и Н.Н.Кушнарченко. Гран мерси! Интереснее, однако, сюрприз: оказывается, это мы с Кушнарченко объявили завершённым процесс перехода от документоведения к документологии. Но где, когда?!

Теперь же М.С.Слободяник уверяет, что он "и не писал об этом в своей статье". И ссылается не на ту работу, где он об этом писал, а на другую – в которой процитированная мысль и впрямь отсутствует. Изумительный образчик полемических методов и приёмов – с позиций морально-этических норм науки!

Попутно замечу, что в наших работах вопрос о переходе от документоведения к документологии вообще не ставится. Пусть себе обе дисциплины развиваются на пользу людям! И пусть их развитие никогда не завер-

⁷Слободяник М.С. Перспективы формирования фундаментальной науки о документе / М.С.Слободяник // Библиотечное дело – 2005: деятельность библиотек и развитие информационной культуры общества: Материалы Десятой междунар. науч. конф. (Москва 20-22 апреля 2005 г.). – М., 2005. – С.305.

шится: завершение процесса означает его конец, его смерть.

Думается, что время, отнимаемое на пышущие псевдоблагородным гневом словопрения, лучше бы употребить на действительное совершенствование документоведения и книговедения, на обсуждение статуса документологии, структуры этой научной и учебной дисциплины.

Теперь мне остаётся ждать, когда специалисты выполнят задание М.С.Слободяника

и ответят на его вопрос: "На основании чего Н.А.Низовой высказал острое неприятие учебника Н.Н.Кушнаренко "Документоведение"?. И правда – на основании чего? Мне тоже очень интересно это знать. Попробуйте найти такое основание, дорогие читатели! А то мне, например, не удалось это сделать, как ни старался.

Ю.Н.Столяров

12 марта 2008 г.

Статья друкється за авторською редакцією

ДИСКУССИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ КОНСТРУКТИВНОЙ

М.С. Слободяник

Представленные в данном номере журнала полемические публикации профессоров Н.А.Низового и Ю.Н.Столярова, по моему убеждению, позволяют достоверно отразить профессиональные взгляды и моральные принципы, которые исповедуют эти известные ученые. Убежден, что читатели нашего журнала достаточно квалифицированы для восприятия аргументов оппонентов и сделают самостоятельные выводы о профессиональных и нравственных итогах их полемики. Это убеждение позволяет мне отказаться от роли третейского судьи в этой "дискуссии", в которой обсуждение профессиональных вопросов зачастую подменяются личностными обвинениями, а эмоции оппонентов явно "зашкаливают".

Поскольку один из участников дискуссии Ю.Н.Столяров попытался дать ответы и на мои критические замечания, высказанные в статье [2], я, естественно, не могу оставить эту попытку без внимания.

Отмечу лишь некоторые моменты в пространной статье Ю.Н.Столярова, поскольку она ярко демонстрирует, что Юрий Николаевич, к сожалению, не смог профессионально ответить и на замечания Н.А.Низового по учебнику Н.Н.Кушнаренко (хотя справедли-

вости ради отмечу, что он и не должен был в этом вопросе подменять автора).

В новой статье Ю.Н.Столяров продолжает искусно применять излюбленные им полемические приемы, позволяющие не отвечать на неудобные вопросы, поставленные в публикациях [1, 2], как и в других многочисленных работах, в которых весьма аргументировано критикуется его документологическая концепция.

Данная статья ярко иллюстрирует излюбленные Ю.Н.Столяровым приемы игнорирования очевидных фактов, граничащие с их подтасовкой и искажениями. Кроме того, из его публикации следует, что Юрий Николаевич не очень внимательно читает не только статьи Н.А.Низового [1] и М.С.Слободяника [2], но и собственные публикации [3-5]. Останемся на этом утверждении подробнее.

В частности критическое замечание Л.Я.Филлиповой по учебнику Н.Н.Кушнаренко процитированы в статье [1].

Хочется задать автору следующий вопрос: так все-таки? уважаемый Юрий Николаевич, новое научное направление разрабатывает "дружный пионерский отряд", или понятие "пионер" подчеркивает, как я считаю, приоритет ученого? И правомерно ли считать началом разработки теории документа в СССР